

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

**В поисках профессионального домена:
история и историки во времена нестабильности¹**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску современным историческим сообществом своего места в мире, переживающем времена нестабильности. В ней рассматриваются индивидуальные и корпоративные стратегии освоения прошлого; анализируются современные формы самоорганизации профессионального сообщества историков; ставится вопрос о новых возможностях истории как социальной практики.

Ключевые слова: историческое знание, наука о прошлом, профессиональное сообщество, экспертиза, социальная практика, эпоха нестабильности, интеллектуальные площадки, научные форумы.

УДК 903

*«Мир как повествование для меня более или менее исчерпан.
Теперь мне интересен лишь мир как соположение».
М. Уэльбек «Карта и территория»*

*«Историческое знание, накопленное в тиши ученых кабинетов, должно становиться достижением масс, должно быть востребованным и популярным.
В противном случае общество неизбежно будет воспринимать историческую науку как интересную, но бесполезную игру ума, и, в конце концов, не ровен час – сочтет возможным отказаться от ее услуг».*

¹ Работа выполнена в рамках проекта «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

Н. Детков «Историческое сообщество и творцы сенсаций»

«История долго оставалась неподвижной в мире, изменявшемся с поразительной скоростью»

Н.Е. Копосов «Хватит убивать кошек! Критика социальных наук»

В какое время мы живем и влияет ли оно на восприятие прошлого?

Оценивая переживаемое современным обществом время, подавляющее большинство специалистов сходится на двух присущих ему особенностях: быстротечности и неоднородности. При этом скорость происходящих перемен и глубина их освоения в различных точках земного шара поставили под сомнение не только единство временного потока, но и его направленность. На смену еще вчера казавшейся незыблемой идеи «стрелы времени» пришло понимание нелинейности социального развития. Живя в едином календарном измерении, мы оказываемся свидетелями качественно разного наполнения времени и эффективности его использования.

Размышляя над скоростью социально-технологических обновлений, известный социолог З. Бауман приходит к выводу о возрастании ценности времени, меняющем конфигурацию современного мира в направлении текучести и проницаемости его границ. Экстерриториальная подвижность, становящаяся, по его мнению, символом общественного прогресса, приводит к формированию «общества слабых связей», усложнению личности за счет переработки больших объемов информации и падению ее внешней активности. В свою очередь, смена либеральных идеалов в глобальном масштабе обозначила переход от социально-правового государства, традиционно сосредоточенного на решении проблем безработицы и инфляции, к государству индивидуальной безопасности, где приверженность коллективным интересам перестает восприниматься в качестве безусловной жизнеобеспечивающей ценности [1].

В ситуации удвоения знания, происходящего каждые 5–6 лет, человечество подошло к осознанию порога *«собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий»* [2]. На фоне утраты способности к принятию рационально обоснованного и оперативного решения проблем настоящего наблюдается возрастающий интерес к прошлому, которое в течение длительного времени воспринималось бастионом стабильности и источником неиссякаемой национальной гордости. Однако по мере крушения прежних идеалов и все возрастающего осознания непрочности представлений о прошлом вновь актуализируется вопрос о его месте и роли в развитии современного социума. И, прежде всего, тех социальных функций, которые может и готово выполнять научное сообщество историков.

Подобного рода вопросы, связанные с профессиональным самоопределением, для отечественного историка являются не только проблемой выживаемости, но и поиска своего нового социального предназначения. В данном случае речь идет не о необходимости смены идеологических и методологических вех в развитии исторического знания, а об учете им тех изменений, которые переживает российский социум под воздействием предельного сжатия исторического времени. С.П. Капица, одним из первых в отечественной науке обративший внимание на собственно социальный характер изменений эпохи демографического перехода, пришел к ряду довольно тревожащих выводов. Во-первых, исторический процесс стал определяться не течением исторического времени, а практически эффективным временем жизни человека или же еще меньшим масштабом текущих политических решений. Во-вторых, время и инвариантный объем информации уплотнились до предела, произошло сокращение диапазона памяти и, как следствие, невосприятие нынешним поколением событий довоенной и дореволюционной истории, спрессовавшейся в пространстве коллективных представлений в одно давно прошедшее время. В-третьих, ускорение исторического времени привело к тому, что на протяжении жизни одного поколения ее нормы и ценности не успевают сформироваться [3].

В итоге расколото общественное сознание эпохи демографического перехода утрачивает интерес к привычной версии прошлого, охватывающей огромный по своей протяженности промежуток времени. Оно сосредотачивается на переломных этапах развития страны и ищет в прошлом внятных ответов на вопросы о том, что с ним случилось сегодня. Однако, как показывает многовековой опыт, находящий отражение в афоризмах классиков, *«история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы»*

(Г. Гегель), хотя и *«наказывает за невыученные уроки»* (В.О. Ключевский). В конце 1990-х гг., работая в вузе и занимаясь подготовкой будущих учителей истории, я оказалась на встрече с весьма известным в ту пору автором альтернативного школьного учебника по раннему Новому времени И.А. Мишиной. Горячо пропагандируя заложенные в нем новации, в том числе и сугубо содержательного характера, она все время сетовала на консерватизм высокой академической науки, не желающей видеть происходящих вокруг себя изменений. Отчетливо помнится высказанная ею в пылу полемики и мысль о необходимости придания истории *«практической, востребованной жизнью, оснастки»*. В чем она должна была выражаться, понять так и не удалось, но ощущение неуверенности в прочности занимаемых историей позиций *«врачевательницы дурных пороков общества»* и *«прорицательницы будущего»* осталось. С тех пор улеглись перестроечные страсти по ликвидации *«белых пятен»* нашего недавнего прошлого, опубликованы многотомные документы о неоднократных преступлениях советского режима, историки активно включились в *«войны памяти»*, в бесчисленном количестве возникших на постсоветском пространстве, многие из них получили международное признание и стали узнаваемыми медийными лицами страны. Но изменилось ли представление самих историков о своем профессиональном предназначении и взаимоотношениях с обществом? Каким во времена нестабильности им видится будущее науки о прошлом? И чему оно способно научить в эпоху высоких технологических рисков и явно выраженных индивидуальных предпочтений?

Нужна ли новая апология истории? С момента написания книги М. Блока *«Апология истории, Или Ремесло историка»* прошло более семи десятилетий. Для научного сообщества историков России этот временной отчет начался с 1973 г., года ее перевода на русский язык. С тех пор небольшая по объему книжка французского историка для многих моих коллег стала неопровержимым аргументом, *«последним доводом разума»* в оправдании существования истории как профессиональной деятельности, занятие которой требует не только всемерной государственной поддержки, но и достойного вознаграждения. При этом время от времени возникавшие внутрицеховые дискуссии относительно пределов академической свободы и степени ответственности за состояние исторического просвещения в обществе не выходили за пределы традиционных суждений о высокой гражданской миссии истории, ее прогностических возможностях и располагаемых знанием о прошлом многочисленных примеров, предотвращающих последующие поколения от повторения некогда совершенных ошибок.

Правда в последние годы в спорах о социальном предназначении служителей Клио все отчетливее звучит мысль о необходимости профессионализации занятия историей, ограждения ее от дилетантских подходов и превращения исторической науки в *«храм для посвященных»*. Замыкание в *«башне из слоновой кости»* и активное участие в общественно-политической жизни страны все чаще становятся основными стратегиями взаимодействия профессионального историка и общества. Взаимодействие, которое парадоксальным образом не учитывает тех изменений, которые произошли не только в самом историческом знании, но и жизни современного общества.

Несмотря на перемены, буквально взорвавшие наши представления об истории, предмет приложения усилий нынешнего поколения его внимательных слушателей практически остается неизменным. Постигание прошлого во всем многообразии и изменчивости его проявлений по-прежнему оказывается возжеленной целью профессионального исследователя. Излагаемые на страницах учебной литературы представления о границах истории как науки, ее местоположении в жизни общества и выполняемых (практически неизменных со времен Геродота) гносеологических и социальных функций давно уже стали анахронизмом. А попытки серьезного переосмысления онтологического статуса знания о прошлом широкого понимания в профессиональном сообществе так и не получили. Хотя все увеличивающийся разрыв между академической историей и ее образовательной ипостасью, стремительная национализация некогда единого пространства общей памяти и превращение истории во влиятельный ресурс современной политики вновь актуализируют проблемы определения профессионального домена Клио и ее взаимоотношений с реалиями дня сегодняшнего: *«Если профессиональное сообщество претендует на тот или иной публичный статус, общественную роль, поддержку государства и т.п., то принципиально важно понимать, для чего такое сообщество в принципе существует. Иными словами, какова его «социальная миссия».* Это отнюдь не высокопарная тема. Речь идет о конкретных

вопросах: чего мы стоим как профессиональное сообщество? почему мы существуем? что именно из наших усилий может быть конвертируемо в общественное признание и заработную плату?» [4].

Стартовавший во второй половине 1980-х гг. проект обновления прошлого ознаменовался по большей своей части переоценкой марксистского теоретического наследия и перенесением на почву отечественного историописания различного рода «интеллектуальных поворотов». Результатом такого рода перемен стало разукрупнение предмета исторических исследований и сосредоточение усилий профессионального сообщества на антропологической составляющей прошлого. Начавшаяся гуманизация процесса исторического познания привела к появлению не только новых направлений исследовательского поиска, но и «лирической» историографии как «методико-стилевой тенденции культурной истории к пересмотру статуса исследователя, теоретически легитимной как минимум с позиций философской герменевтики и практически реализуемой при помощи репрезентации в тексте фигуры автора (лирического героя)». Ее возникновение напрямую связывается с культурным поворотом, включающим в себя «в первую очередь внимание к частному человеку и обстоятельствам его жизни» и требующим «пересмотра этики и эстетики научного произведения, в рамках которого становится возможным равноправный диалог исследователя со своими героями, людьми описываемой эпохи» [5].

Рождающееся на наших глазах авторское письмо, идущее на смену многовековой практике индивидуального безмолвия историков, требует от профессионального сообщества выработки иных критериев оценки исследований в области изучения прошлого. Принципиальная невозможность решения данной задачи в рамках существующей на сегодняшний день системы квалификационных требований, предъявляемых к соискателям статуса «ученого от истории», приводит к весьма плачевным последствиям. Историки все чаще становятся заложниками корпоративной этики, идущей в разрез с личными убеждениями и исповедуемыми методологическими принципами.

Результатом подобного рода «онтологических» конфликтов становится прогрессирующая деинституционализация исторического знания, где на смену научным школам и десятилетиями формировавшимся исследовательским направлениям приходят, по мысли С.А. Кравченко, невидимые колледжи, представленные небольшими группами единомышленников, объединенных конкретной научной ориентацией и непосредственно контактирующих друг с другом; и научные анклавы, состоящие из приверженцев особого теоретико-методологического инструментария и демонстрирующих «убеждение в исключительности своей “истины” и в правоте своей модели мышления» [6]. Пытающиеся найти наиболее действенные и оперативные способы реагирования на вызовы времени, ставящие под сомнение не только гносеологические возможности знания о прошлом, но и способность его существования в качестве «нормальной» науки, они становятся альтернативными практиками официально существующей системе профессионального взаимодействия и верификации полученных результатов исследования.

В ситуации осознания того факта, что фундаментальными особенностями социально-исторической действительности выступают интенсивная изменчивость и практическое отсутствие повторяемости, большое число значимых переменных, а также трудность проверки выдвигаемых гипотез [7], занятие историей все чаще напоминает профессиональное хобби. Удовлетворение интеллектуального любопытства, сопровождаемого мучительными поисками его производственной оправданности и научной значимости, становится одной из наиболее расхожих форм времяпрепровождения в профессии. Причиной тому, помимо всего прочего, оказывается и существующая система подготовки кадров высшей научной квалификации, вокруг которой на сегодняшний день сломан не один десяток копий.

Не так давно развернувшаяся полемика вокруг инициативы департамента научных и научно-педагогических кадров Министерства образования и науки РФ по упразднению кандидатских диссертационных советов наглядно продемонстрировала разность административного и внутрицехового восприятия сложившейся иерархии научных степеней. Если позиция департамента исходила из необходимости «повышения уровня работ российских ученых, а также обеспечения прозрачности оценки этих работ», то научное сообщество руководствовалось исключительно соображениями профессионального самосохранения. Хотя аргументы последнего исходили из тех же высоких соображений

отстаивания национальных интересов страны: *«Эта система бакалавр – магистр может быть обоснована и принята в обществе, которое решило определенные этапные технологические задачи, когда нужны магистры, чтобы разрабатывать новое, и бакалавры как люди для инструктивного труда. Но дело в том, что у России другая технологическая ситуация. Если Запад вышел на определенный уровень индустриализации, то России нужно решать вопросы технологического рывка, а для этого нужны люди, которые каждый на своем участке сможет обеспечить творческое решение вопросов. Бакалавр всегда приравнивался к нашему выпускнику техникума, магистр – к нашему специалисту. Поэтому то, что происходит сейчас, – это девальвация нашего образования, штамповка недоучек. У нас задача – обустроить свою экономику, а не поставлять конкурентов на Запад. Если там нужны специалисты из России, может быть, следовало бы создавать профилированные вузы. Не думаю, что это так уж нужно России: сама по себе унификация уничтожает своеобразие национальной системы и существующие наработки, а зачем это нужно?»* [8].

Не вдаваясь по существу в ведущуюся полемику, отмечу лишь то обстоятельство, что в самом научном сообществе историков (по крайней мере, его официальной части) система воспроизводства профессиональных носителей знания о прошлом оценивается не столь однозначно: *«Мы должны признать, что для историков-профессионалов наличие такой академической системы воспроизводства – это достаточно комфортная, удобная и привычная среда, с которой не хотелось бы расставаться. Для современного общества – не уверен, что это именно та историческая наука, которая является востребованной»* [9].

Что делать и какая академическая история необходима современному обществу? Претензий к нынешнему состоянию исторического знания и его участию в жизни современного общества накопилось превеликое множество. Претензии высказываются как самим обществом, утратившим веру в моральную безгрешность и объективность суждений историков о прошлом, так и историками, переживающими очередную волну эпистемологической рефлексии и все более осознающими ограниченность собственных возможностей в постижении минувшей реальности. Подобному положению дел во многом способствовало и занимаемое социальными науками место в обществе, согласно которому они подчинились *«задачам социального преобразования действительности»* [10]. В данной связи следует отметить, что в определении местоположения исторической науки в отечественной интеллектуальной традиции до сих пор отсутствует ясность. Ее относят к социальным, гуманитарным и социально-гуманитарным наукам. При этом противопоставление социальных и гуманитарных наук сохраняется только в англосаксонской интеллектуальной традиции, рассматривающей гуманитарные науки как науки о человеке, а социальные – как технологию преобразования мира [11].

Наблюдающийся «конфликт интерпретаций» между самоопределением профессиональной принадлежности истории как гуманитарного знания и ее общественным восприятием в качестве социальной практики усугубляется и стремительной потерей интеллектуалами (представителями гуманитарных и социальных наук) своих позиций в современном обществе. Анализируя феномен возникновения и развития этого социального слоя в европейской культуре, Д.Р. Хапаева отмечает, что *«исчерпанность “великих нарративов” не могла не сказаться на судьбе интеллектуалов. Конец XX в. стал концом интеллектуалов как особой социальной группы и как особого способа вовлечения общества в публичное пространство»* [12]. Однако, как показало проведенное ею исследование среди французских и венгерских интеллектуалов, речь, скорее всего, идет об исчезновении амплуа «классического» интеллектуала, традиционно выступавшего от лица неспособных к самовыражению и защищающего незыблемые нравственные основы общества. В настоящее время, когда *«демократический строй предоставляет каждому возможность выступить в публичных дебатах и высказывать свое мнение как благодаря множеству ассоциаций и неформальных объединений, так и благодаря развитию средств массовой информации»*, отпала всякая необходимость в существовании интеллектуалов как привилегированной группы людей. Тем не менее мир, находящийся в состоянии полной неуверенности и не имеющий никакого внятного проекта будущего, нуждается в наделении смыслом происходящего. И эту функцию, по мнению большинства интеллектуалов, способен выполнить только интеллектуал, становящийся социальным мыслителем [13].

Его новым профессиональным прибежищем все чаще оказывается экспертная деятельность, в определении сущности и возможностей которой (прежде всего в социальной сфере) сохраняется немало неясностей. Именно с ней, несмотря на сложности достижения объективных (или хотя бы конвенциональных) оценок, интеллектуалами связывается упрочение своего положения в обществе и возрождение былой легитимности профессиональной деятельности: *«Поколебленная за последние двадцать лет вера в то, что социальные науки нужны современному обществу, находит себе опору в идее о необходимости экспертизы по различным вопросам общественной жизни. В ней отражается нерешительное и противоречивое переосмысление социальных задач и роли гуманитарного знания в современном обществе»* [14]. А что же историки? Будучи интеллектуалами по своей сути, они также оказываются вовлеченными в процесс поиска нового и социально востребованного приложения своих усилий. По заключению Н.Е. Копосова, исследовавшего антропологические идеалы, вдохновляющие современного российского историка на работу, отечественная историография в различные периоды своего развития культивировала *«идеал члена сражающегося коллектива, который навязал историкам марксистский дискурс»*; затем образ *«аполитичного эксперта, которому соответствовала идеология профессионализма»*, сменившийся идеалом носителя культуры. На сегодняшний день вдохновляющим идеалом историка является образ *«частного лица, прекрасно сочетающегося с идейным конформизмом»* [15], который не мешает ему активно включаться в процесс освоения медийного пространства и выступать экспертом по довольно широкому кругу вопросов, не имеющих прямого отношения к его непосредственной специальности. Он все отчетливее осознает, что история интересует нынешнее общество постольку, поскольку она касается актуальных проблем современности.

Историки перестроечного призыва развенчивали марксистский интеллектуальный и социальный проект, веря в высокую миссию освободителей страны от тяжелого и долгое время замалчиваемого прошлого. Они строили новый мир, разгребая авгиевы конюшни репрессивной машины советского тоталитаризма. Современное поколение историков с таким же упорством борется с пороками современного государственного порядка или же отстаивает ниспровергнутые ранее «бесспорные достижения эпохи социализма». Оно пишет разные учебники и исповедует разные общественно-политические идеалы. Поддерживает усилия официальной власти по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России и готово пожертвовать социальным благополучием во имя обретенной профессиональной свободы. Как свидетельствуют многочисленные исследования, *«людей, целиком и полностью отрицающих социальную ответственность исторической науки найдется в ее рядах не так уж много, а отсюда с неизбежностью следует вывод о невозможности ее пребывания в башне из слоновой кости»* [16]. При этом представления об этой ответственности и формах участия историка в жизни общества существенно разнятся. Размышляя о том, какая академическая история нужна современному российскому обществу, уже цитировавшийся выше источник отмечал, что, с одной стороны, она должна удовлетворять социально-консервативные потребности общества – формировать внутренне непротиворечивое сознание нации, основы национальной идентичности как системы общепризнанных мифов, эмоционально окрашенных стереотипов. С другой, – стимулировать историческую и ценностную рефлексию общества, постоянно обращаясь к вопросам о том, что происходит? куда мы идем? во имя чего? [17]. Если же *«так называемый академический историк не принимает ни первую, ни вторую роль (мифотворца или рефлектирующего скептика) и замыкается в своей “теме”, занимается “просто историей”, то его профессиональная деятельность превращается в хобби. Он может быть интересен обществу, но, по большому счету, он бесполезен обществу»* [18].

Едва ли подавляющее большинство представителей академической науки согласится с тем, что прожитая и проживаемая в профессии жизнь оказалась лишь *«сбором коллекций для посвященных»* [19]. Тем более что отмеченные роли «рефлектирующего скептика» и «мифотворца» с успехом выполняются социальными мыслителями от философии, социологии и культурологии, а знатоками в области прошлого становятся люди, не обремененные грузом профессиональных познаний. В интервью автору статьи студент ЮФУ, оказавшийся экспертом на проводившемся университетом и рядом солидных общественно-исследовательских организаций в октябре 2011 г. «круглом столе» по «черкесскому» вопросу, так объяснил использование исторических познаний в своей экспертной

деятельности: «Я еще учусь, я студент Южного федерального университета, отделения политологии, уже заканчиваю образование. Я пришел в эту специальность сознательно, потому что проблемы исторические и политологические интересовали меня на протяжении довольно значительного периода времени. Пожалуй, главным фактором стала встреча с различного рода интересными людьми, которые влияли на меня в той или иной степени, заинтересовывали различными проблемами международной проблематики и, находясь на первых курсах своего образования, я старался овладеть этой наукой, этой специальностью и быть максимально объективным, т.е. работать в междисциплинарной области. Использовать как историческую науку, так и использовать какие-то политологические техники, методики и т.д. И конечно, мое становление как эксперта только происходит, и я не думаю, что оно завершится в ближайшее время, но тем не менее ориентация на каких-то ведущих экспертов нашего региона, знакомство с их работами и трудами, знакомство с классикой, основными концепциями, работающими сегодня, позволяют мне совершенствоваться в этой области». Показательно, что свое участие в экспертных мероприятиях он рассматривает не в качестве специалиста, готового предоставить необходимую информацию и высказать собственное мнение по обсуждаемой проблеме, а просто как одну из возможностей пополнения багажа собственных познаний, в том числе и из исторической области [20].

В другом интервью респондент, получивший базовое историческое образование и успешно в течение тридцати лет занимающийся политологией, связал возникшее буквально на наших глазах повсеместное увлечение российскими интеллектуалами экспертной деятельностью с новой формой самоорганизации научного и, прежде всего, исторического сообщества: «Наверно, это какая-то форма проявления социальной ответственности. Ситуация заставляет шевелиться, особенно в регионах, где жизнь людей напрямую связана с последствиями политики. Поэтому есть такое стремление, но, с одной стороны, достаточное количество экспертов, а с другой стороны, реальных ну 3–4 человека на субъект федерации, не гигантское количество. Вот это, наверное, какие-то ростки гражданского сознания, но вот если мы посмотрим опять, то все разбито на тусовки, которые из года в год в узком кругу обсуждают и друг с другом практически не пересекаются». Весьма скептически оценивая реальные экспертные возможности научного сообщества историков, он отмечает, что в основе ее неэффективности «лежат, по крайней мере, две вещи: прежде всего, модная ныне междисциплинарность, о которой мы последние двадцать лет говорим. Она понимается только таким образом, что историки занимаются не своим делом, другие не своим, но это не междисциплинарность, а такой вот профессиональный дилетантизм, когда профессионал в одной сфере пытается работать в другой. Вот, скажем (речь идет о довольно известной региональной школе – Т.Х.), там достаточно большая группа, активная, но вот так, если сверху смотреть, – это, действительно, напоминает секту, с другими они не очень контактируют, а если контактируют, то вплоть до угроз юридической разборки. То же самое в Чечне и Дагестане, и можно продолжить... Пока вот эта сегментация исторического сознания, если мы о нем, ну или вообще шире – гуманитарного, его замыкание идет все дальше и дальше.

Но, пожалуй, главное в этом «сотрясании бури в стакане» желание навязать обществу свою «правду». Мы провели круглый стол по Кавказской войне, и там представлен был разный люд, благо заочно, и достаточно, по крайней мере, взгляды, которые показывают, что можно вести диалог. Через какое-то время я получаю из Чечни письмо от одного такого интеллектуального журналиста, где он школу (идейного противника – Т.Х.) размазывает, говорит, что надо их привлечь к суду. Я звоню в Чечню и говорю: «Ну зачем вы опять все это», – они со мной соглашались. Буквально через 2–3 дня я получаю книжку, где написано: «Из истории борьбы российской государственности с хищническими...». Вот, понимаете, после этого опять все заново. И вот так у нас, к сожалению, все эти войны, мы сближаемся, и в этот момент опять все начинается на пустом месте» [21].

Несмотря на осознаваемую сомнительность «хождения во власть» с целью предостережения ее от ошибок прошлого, активные поиски своего места в меняющемся нестабильном мире, для подавляющего большинства отечественных историков занятие прошлым остается безусловной самодостаточной ценностью [22]. Многие из них все еще твердо верят в то, что в минувшей реальности можно отыскать единственный правильный

ответ на вопрос о том, как это было на самом деле, показав обществу, какие дороги не ведут к храму. Другая часть научного сообщества историков, более скептически оценивающая свои эпистемологические возможности, видит предназначение своей профессии в формировании национального самосознания российского общества и выработке дорожной карты прошлого, которая «поможет современным государственным деятелям не наткнуться на ухабы застарелых этнических и национальных конфликтов и спокойно заниматься своими делами – “без фантазий”» [23]. Вместе с тем сегодняшними интеллектуалами все более осознается тот факт, что «научное знание, как и знание вообще, не является “реальностью”. Оно – часть общества и его культуры и поэтому им и определяется, “конструируется”» [24]. В ситуации, когда историческая наука больше не может давать готовых результатов, а общество не в состоянии оценить полезности производимого ею продукта, есть все основания прислушаться к мысли классика о том, что «она, скорее, ставит под вопрос наши представления о прошлом и, тем самым, предостерегает нас от завышенной оценки нынешней эпохи. Именно в этом заключается задача, которую историческая наука выполняет в “жизни”; и она должна выполнять ее, а не замыкаться в своей “башне из слоновой кости”» [25].

Примечания:

1. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.
2. Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 19.
3. Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 3-16.
4. Интервью с Михаилом Викторовичем Пономаревым от 23 апреля 2009 г. // Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М., 2010. С. 529.
5. Иванов В. Антропологический поворот: регуманизация гуманитариев? XI Банные чтения // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/> [Дата обращения: 20.01.2012].
6. Кравченко С.А. Указ. соч. С. 18.
7. Розов Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 154.
8. В России больше не будет кандидатов наук: мнение высказывает Сергей Черняховский, доктор политических наук, профессор [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mnenia.ru/rubric/society/v-rossii-bolshe-ne-budet-kandidatov-nauk/> [Дата обращения: 24.01.2012].
9. Интервью с Михаилом Викторовичем Пономаревым от 23 апреля 2009 г. С. 530.
10. Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 8.
11. Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 231.
12. Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 50.
13. Там же. С. 49, 52.
14. Там же. С. 54.
15. Копосов Н.Е. Память старого режима: история и политика в России. М., 2011. С. 192.
16. Дедков Н. Историческое сообщество и творцы сенсаций // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 292.
17. Интервью с Михаилом Викторовичем Пономаревым от 23 апреля 2009 г. С. 530, 531.
18. Там же. С. 532.
19. Эко У. Баудолино. СПб., 2007. С. 534.
20. Интервью с Н. (респондент пожелал остаться неизвестным) от 19 октября 2011 г. // Личный архив автора.
21. Интервью с Виктором Владимировичем Черноусом от 10 ноября 2011 г. // Личный архив автора.
22. Показательно, что французские историки неэффективность своего участия в экспертной деятельности связывают с тем, что от них требуется больше, чем можно было бы ожидать от исторической профессии: «Превращение историков-профессионалов в экспертов натолкнулось, таким образом, на неожиданные трудности, связанные с

нежеланием историков покинуть уютную атмосферу академической уюности, выйти за пределы замкнутого профессионального сообщества с его профессиональными требованиями» // Хапаева Д.Р. Указ. соч. С. 55.

23. Национальные истории на постсоветском пространстве П. М., 2009. С. 14.

24. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 52.

25. Гуревич А.Я. Медиевистика на распутье. О книге Х.-В. Гетца // Одиссей. Человек в истории. 2004. М., 2004. С. 356.

In Search of Professional Domain: History and Historians during the Period of Instability

Tatyana P. Khlynina

Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
PhD (History), Assistant Professor, Senior Researcher
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article is focused on the search of contemporary historical community place in the world in terms of instability, considers individual and corporate strategies for retrospective study, analyses modern forms of historians' professional community self-organization, raises the question of new possibilities of history as a social practice.

Keywords: historical knowledge, retrospective study, professional community, expertise, social practice, period of instability, intelligent ground, scientific forums.

UDC 903